

 Светлана Демидова

*Рубиновая
верность*

 русский любовный
роман

Светлана Демидова

Рубиновая верность

«Автор»

2007

Демидова С.

Рубиновая верность / С. Демидова — «Автор», 2007

ISBN 5-699-20326-5

Леонид любил Маргариту. Очень любил – и казалось, от этой страсти остановится сердце. А она... сразу после школы выскочила замуж за другого. С тоски Леонид женился на однокласснице. И тогда Рита поняла, что всю жизнь любила только своего Ленечку... Роман вспыхнул с новой силой. Не было дела до оставленных супругов, до их страданий. Однако когда погибла жена, Леонид понял: так продолжаться больше не может. Но его по-прежнему тянуло к Рите... Словно приговоренные друг к другу, эти двое мучались больше двадцати лет. Чем должна была кончиться такая история? Какая развязка у затянувшейся драмы: свадьба, расставание навек, прежние редкие встречи тайком? Судьба рассудила иначе – и такого расклада никто, конечно, не ожидал...

ISBN 5-699-20326-5

© Демидова С., 2007

© Автор, 2007

Светлана Демидова

Рубиновая верность

Я очнулась на берегу небольшой речушки, огибающей сквер за домами района, где жила школьницей. Опять меня сюда принесло. Ноги сами поворачивают к скверу, когда я глубоко задумываюсь о Ленечке. Обычно я обнаруживаю себя у самой кромки воды, тупо смотрящей на речку. Вот и сегодня пришла в себя только тогда, когда почувствовала, что в туфли набирается вода. Черт! Туфли-то дорожные! Хотя какая теперь разница... Мне сейчас самое место на дне этой речушки без названия. А что? Вот я лежу на дне, холодная и бесчувственная. Надо мной толща черной осенней воды. Над головой плывет рыжий и разлапистый кленовый лист... Красиво... Местные жители на месте моей безвременной кончины потом, возможно, даже поставят изящную часовенку и будут передавать из уст в уста историю нашей с Ленечкой любви. Маргарита любила Леонида. Леонид любил Маргариту. Кто кого больше? Не знаю... Наша с ним история тянулась без малого двадцать пять лет. Потом Маргарита Леонида... Нет! Это он меня предал! Он!

Он постоянно меня предавал. Кто бы знал, как его женщины меня достали! Они, дурехи, все до одной, надеялись выйти за него замуж. Они не знали, что Ленечка всегда возвращался ко мне. Всегда находил в себе силы вынырнуть из водоворота самой сумасшедшей любви, чтобы снова всплыть в мои распростертые объятия. Я, конечно, тоже без дела не сидела. Сама увлекалась другими, не без этого... Но мы были приговорены друг к другу. Он об этом знал. И я знала. Я всегда помогала ему как можно быстрее и бескровней закончить очередной бессмысленный роман. Он в мои романы не вмешивался. Спокойно ждал, пока они закончатся. И они обязательно заканчивались, потому что... Маргарита любила Леонида, а Леонид любил Маргариту. Любил...

Последний раз он бросил меня... Нет, сначала есть смысл рассказать о предпоследнем его увлечении, после которого я решила, что уж теперь-то мы будем вместе всегда. Помню, как он тогда (в очередной раз) явился ко мне востропанным, помятым и обезумевшим. И не от любви к той, с которой только что расстался, а от вечной и неутолимой любви ко мне. Ленечка опустился передо мной на колени, обнял за ноги и прижался к ним разгоряченным лицом.

– Видимо, я все-таки не могу без тебя жить, – в тысячный раз сказал он. – Я каждый раз думаю, что вот теперь-то уж все... свободен... что люблю наконец другую... И ничего не получается. Ты прости меня, Рита... Все эти уходы, приходы... Фарс какой-то... Или трагедия...

– Это любовь, Ленечка, – ответила я.

– Это тяжелое испытание, а не любовь.

– Уж такая судьба нам с тобой выпала.

– Да... Мне выпала такая дикая любовь... Я люблю тебя, Рита... А ты? Столько лет прошло, а я так и не уверен в тебе.

– Имей совесть, Ленечка, – притворно рассердилась я. – Ну-ка вспомни, который раз ты валяешься у меня в ногах, и я каждый раз принимаю тебя после... очередной твоей бабы...

– Ты святая, Рита...

– Дурак ты, Ленечка. Просто я люблю тебя...

– Теперь мы всегда будем вместе! Клянусь!

– Я на твоём месте не клялась бы понапрасну.

– А я не понапрасну! Мы поженимся, Ритуля... то есть... нет... – запнулся он.

– Значит, все-таки не поженимся, – расхохоталась я.

– Нет... Я другое хотел сказать... – Ленечка встал с колен, обнял меня за плечи и будто насквозь пронзил взглядом своих светло-серых глаз. – Мы обвенчаемся, Ритуля. Я теперь

это очень хорошо понимаю: нам надо обвенчаться! И тогда исчезнут все эти пошлые чужие бабищи... и твои... мужики...

– Неужели ты всерьез думаешь, что церковный брак может защитить от измен с мужиками и бабищами?

– Говорят, может.

– Не стоит, Леня, верить всему, что говорят.

– Но... Риточка... главное, это поверить в себя! Мне кажется, что мы не сможем нарушить обет, данный Богу, потому что... – Он опять задумался, и его светлые глаза подернулись влагой.

– И почему же? – спросила я. – Неужели ты и впрямь думаешь, что, пройдя со мной вкруг аналая, никогда больше не бросишь ни единого взгляда на других женщин?

– Я и вообще их не бросал бы, если бы... Впрочем, ты и сама все знаешь... Так что же, Рита? Ты выйдешь за меня замуж?

Я, чуть отстранившись, еще раз взгляделась в лицо Ленечки. Оно было таким же родным, как и мое собственное. Я знаю, что под нависшей надо лбом темной челкой скрывается маленький белый шрамик, а за правым ухом прячется темная бархатная родинка. Я знаю не только Ленечкино лицо. Я знаю всего Ленечку наизусть. Я могу выступать с пародиями на него: говорить с его интонациями, шагать, как он, широко и чуть покачиваясь, словно матрос на палубе корабля. Я помню все его характерные жесты, гримасы раздражения, удивления или радости. Кажется, что только по запаху могла бы узнать его с закрытыми глазами из тысячи мужчин. У меня такое впечатление, будто я уже была за ним замужем и неоднократно. Стоит ли выходить еще раз?

– А ты уверен, Ленечка, что нам это нужно? – с большим сомнением в голосе спросила я. – Я убеждена, что ничто: ни печать в паспорте, ни брачный венец не удержат людей друг подле друга, если они сами этого не хотят.

– А разве мы этого не хотим? – едва слышно спросил Ленечка и приник губами к моей шее.

О! Он тоже знал меня всю! Знал мои слабые места, все мои эрогенные зоны... Ничто так расслабляюще не действовало на меня, как его долгие и влажные поцелуи в шею. Когда он целовал меня в ямочку между ключицами, я могла согласиться стать не только его женой, но даже главой самой жуткой террористической организации. Я и в тот раз согласилась на все, что он предлагал. И Ленечка взял с меня слово, что завтра же мы с ним сходим в одну чудную церквушку с пронзительно-синими куполами и договоримся о венчании. А потом Ленечка быстро перешел к делу, вернее, к моему телу, ловко освобождая меня от узких джинсов и вылезшей из них блузки и, главное, моднучего бюстгалтера, который, как я тогда поняла, мне безнадежно жал.

На следующий день мы не пошли в церковь, потому что он оказался воскресным и можно было еще сутки не вылезать из постели. Грех их терять, когда мы с Ленечкой так давно не виделись. Мы оба старались доказать, что предназначены друг для друга. Мы были знакомы уже столько лет, что могли отбросить в сторону все условности и ограничения, ложный стыд и ханжескую застенчивость. Мы точно знали, что любил каждый из нас, от чего испытывал наибольшее наслаждение, и старались друг для друга всю.

– Неужели ты когда-нибудь еще раз сможешь уйти к другой? – спрашивала Ленечку я.

– А ты? Неужели тебя после всего опять сможет потянуть к посторонним мужикам? – отзывался он.

В унисон мы шептали: «Нет! Никогда! Ни за что!» – и снова обнимались так неистово, будто собирались навечно врасти друг в друга руками, ногами и всяческими другими выступами и отростками тел.

На следующий день в церковь с пронзительно-синими куполами мы опять не пошли, поскольку понедельник, как известно, день тяжелый. Во вторник Ленечке пришлось срочно уехать на несколько дней в Витебск на похороны какой-то родственницы, а потом нас обоих закрутило в жизненном водовороте с такой силой, что мы уже не заговаривали не только о пронзительных куполах, но даже и об обшарпанных интерьерах районного загса. Да и к чему, в самом деле, условности в виде штампов в паспортах, если мы и без этих штампов с трудом отрываемся по утрам друг от друга, чтобы идти на работу? Мы опять вместе! И теперь уже навсегда! Нам обоим не нужен никто другой! Конечно! Леонид по-настоящему любит только Маргариту! Маргарита любит одного лишь Леонида!

Примерно через полтора месяца после разговора о синих куполах я вновь почувствовала, как дрожат Ленечкины ноздри, будто пытаюсь уловить запах новой женщины. Лежа в моей постели, он уже принимал эманации другой особи, находящейся далеко за пределами моей небольшой однокомнатной квартирки. Как же хорошо я знала этот ускользающий взгляд, эту туманящую глаза дымку и загадочную джокондовскую полуулыбку. Ну нет! В этот раз, Ленечка, я тебя не отпущу! Я тебя перехитрю! Переиграю! Волглый туман спадет с твоих глаз быстрее обыкновенного, и я за руку отведу тебя в загс, подкрепив насущную необходимость регистрации справкой от гинеколога. А синие купола подождут – никуда не денутся!

Пока Ленечка в очередной раз еще не выпорхнул из моих объятий, я срочно перестала пить противозачаточные таблетки, результаты чего, разумеется, могут сказаться далеко не сразу. Кроме того, я очень хорошо понимала, что мой возлюбленный не пойдет вслед ни за какой справкой, если будет находиться в эйфорическом состоянии влюбленности в другую женщину. Исходя из этого, следует начать наступление на нескольких фронтах одновременно.

Выпив для успокоения настойки пиона, я хорошенечко пораскинула мозгами. Откуда могут исходить женские эманации и флюиды? Не иначе, как из фирмы «Здрава», куда Ленечка устроился работать месяц назад. Точно! Именно в позапрошлую среду мне показалось, что он чересчур задумчиво рассматривал стынувшие на тарелке макароны по-флотски, любимую свою еду.

– Что-нибудь не так? – спросила я, расстроившись, что в фарш по недогляду, видимо, проскочил кусочек косточки.

– Нет-нет. Все очень вкусно, – ответил Ленечка и принялся быстро и бестолково забрасывать в воронку рта макароны. Я даже пожалела, что не скормила ему позавчерашнюю пшенную кашу. Она прошла бы так же хорошо.

Фирма «Здрава», производящая пищевые добавки, переманила к себе Ленечку, который много лет и совершенно без всякого для себя толку подвизался в соседней районной поликлинике гастроэнтерологом. Фирмачи, обосновавшись в новом высотном здании, нагло втиснувшись между двумя сталинскими пятиэтажками, первым делом совершили набег на соседнюю поликлинику, чтобы нанять себе сотрудников с медицинскими дипломами. Зарплату обещали немаленькую, а работенку – непильную: знай пиши себе научнообразные тексты для вкладышей в коробки с добавками да в случае необходимости пошире расправляй над фирмой крылья своего документа о высшем медицинском образовании. Гастроэнтеролог Ленечка, совершенно четко представлявший, что есть хорошо и что есть плохо для человеческого желудка, в недра какового пищевые добавки обычно и отправлялись, с первых же дней проявил себя незаменимым специалистом.

В полном соответствии с новым статусом незаменимого мой Леонид Сергеевич Зацепин купил себе пару темных строгих костюмов, полдюжины белых рубашек и жутко дорогой кейс, обтянутый натуральной кожей. Надо отметить, что все это ему здорово шло. Особенно распахнутый ворот рубашки. Ленечка справедливо ненавидел галстуки. Со стянутым шелковой удавкой горлом он походил на старательного клерка самой средней руки. С расстегнутым воротом

снежно-белой рубашки – на очень удачливого бизнесмена, который вполне может позволить себе пикантную вольность в одежде.

Нельзя сказать, что Ленечка выглядел лощеным красавцем с обложки журнала, но смотрелся довольно эффектно. Он был темноволос и очень смугл кожей, и потому ему шли светлые рубашки. На длинных ногах одинаково хорошо сидели любого покроя брюки, а на широких плечах – и джемпера, и куртки, и пиджаки. Лицо Ленечки было обыкновенным и не задерживало бы ничьего взгляда, если бы не светлые серые глаза. Смуглокожие брюнеты обычно имеют темные глаза. Ленечка из нормы выпадал.

Разумеется, женщины липли к нему. Он не был падок на всех подряд, но влюблялся часто. Именно влюблялся. Он никогда не опускался до голого секса ни в служебных помещениях, ни на пленэре, ни в собственной квартире. Ему обязательно надо было расцвечивать момент физиологического совокупления яркими монологами о смертельной любви, никогда еще до этого (!) им не испытанной. Ясно, что на монологи женщины западали сразу точно так же, как и я много лет покупалась на них. Жизнь без конца доказывала мне обратное, но я каждый раз продолжала верить в страстный Ленечкин шепот о том, что лучше, чем со мной, ему ни с кем так и не было.

В фирме «Здрава» наверняка нашлись женщины, которых сразили наповал светлые Ленечкины глаза. А он, Ленечка, конечно, тут же откликнулся на призывные взгляды какой-нибудь из них. Он еще не ушел от меня, но уже был на старте, на взлете... Я чувствовала это всеми фибрами... вернее, нейрофибриллами. Однажды в словаре иностранных слов мне попало это слово. Оно обозначает тонкие волоконца внутри нервных клеток. Все мои нервные клетки вибрировали этими тонкими волоконцами, нейрофибрировали в пространствах моего насторожившегося организма. Судя по всему, события скоро начнут развиваться по новому кругу, но по старому сценарию. Ленечка, пару раз переспав с новой возлюбленной, как всегда, рванет от меня когти, не утруждая себя объяснениями. Главное, уловить момент и принять меры.

Потусовавшись несколько вечеров подле здания фирмы «Здрава», скрываясь за кадками с карликовыми кипарисами, я довольно быстро выделила в толпе сотрудников, радостно вываливавшихся из входных дверей, ее. Не ту, в которую влюбился Ленечка. Женщин, молодых и красивых, в одну из которых он мог влюбиться, трудилось в фирме немало. Видимо, «Здрава» подкармливала их за свой счет в избытке производимыми пищевыми добавками, и сотрудницы выглядели на редкость здоровыми и жизнерадостными. Мне нужна была женщина совершенно другого типа. Молодая, но несколько заморенная серая мышка, на которую мужчины типа Ленечки никогда не западали. Эта мышка должна страдать комплексом неполноценности и ненавидеть мужчин, которые ею, наверняка эрудированной и начитанной, пренебрегают.

Та, которую я безошибочно выделила из толпы, была одета в черные джинсы и бежевую плащевку с круглым клетчатым воротничком и таким же клетчатым шарфиком. Таких одежонок полно на вещевых рынках. На мой взгляд, сотруднице процветающей фирмы негоже рядиться в подобное рубище, но, с другой стороны, как бы я ее узнала, если бы она разоделась в шмотки из дорогих бутиков.

В общем, я намеревалась сделать эту женщину своими «глазами и ушами». Судя по поведению Ленечки, его роман с новой пассией находился в целомудренной фазе взаимных перегибдов, поэтому в фирме «Здрава» все подряд о нем могли еще и не догадываться. Эта Серая Мышка должна проследить за Ленечкой и выявить ту особу, на которую он положил глаз. Серая Мышка по окончании разведывательной операции получит вознаграждение, согласно договоренности, возлюбленная Зацепина – по заслугам, а сам он опять вернется ко мне зализывать раны и убеждать меня в том, что я самая главная любовь его жизни.

Я осторожно шла за Серой Мышкой в бежевой плащевке целый квартал до остановки троллейбуса. Когда она хотела забраться в один из них, я осторожно взяла ее под локоток.

– Девушка, можно вас на одну минутку, – обратилась к ней я.

Серая Мышка вздрогнула, выдернула из моих пальцев свой тощенький локоток и обернулась с испуганным лицом.

– Что вам нужно? – тонким голосом выкрикнула она.

«Еще и истеричка», – удовлетворенно подумала я, улыбнулась как можно обаятельней и сказала:

– Вы ведь работаете в фирме «Здрава», не так ли?

– Да-а-а... – растерянно протянула она.

– Знаете, мне бы хотелось проконсультироваться по поводу некоторых пищевых добавок. Вы не могли бы уделить мне несколько драгоценных минут вашего времени?

– Но... вы могли бы обратиться прямо в фирму, – начала Серая Мышка. – У нас целый отдел занимается рекламой и связями с общественностью...

– Милая девушка, – еще обворожительней улыбнулась я, а троллейбус благополучно ушел, пользуясь тем, что моя улыбка очень растянулась во времени, – кто сейчас верит рекламе? К тому же я – не общественность. Я – частное лицо, которое хочет получить за свои деньги не мыльный пузырь в красивой упаковке, а действительно полезную продукцию. У меня, видите ли, рефлюкс-гастрит в стадии рецидива. Врач посоветовал мне пищевые добавки фирмы «Здрава», и мне нужно непредвзятое мнение о них ее сотрудника. Деньги-то добавки стоят немалые.

– Но... почему вы обратились именно ко мне? – справедливо удивилась Серая Мышка.

Я скромно потупила глазки:

– Понимаете, я уже хотела зайти в здание фирмы... как раз в тот отдел по связям с общественностью, но тут... словом, я увидела ваше лицо... такое открытое, честное и... милое, что тут же решила: «Эта девушка непременно скажет мне правду». Я, конечно, понимала, что могу вас рассердить своими неуместными вопросами, и потому долго не решалась подойти, но когда вы хотели уехать в троллейбусе...

– Ну хорошо... – перебила меня Серая Мышка. – Троллейбус все равно ушел... Что вы хотите от меня узнать?

– Давайте пройдем вон в то заведение, – предложила я, – если вы, конечно, не возражаете...

Чего бы ей было возражать, если я приглашала ее в крошечную уличную пивную забегаловку, отгороженную от тротуара всего лишь несколькими жалкими стойками, соединенными тоненькими цепочками?

Серая Мышка выразительно взглянула на часы и сказала:

– Ну... только если минут на пять, не больше...

– Конечно-конечно, – уверила ее я, и мы направились за цепочки уличного пивбара. Усевшись за чистенький дощатый столик, я спросила: – Пиво будете?

Серая Мышка отрицательно помотала головой. Еще бы! Разве мышки пьют пиво? Они грызут хлебные корочки и заплесневелые ломтики сыра. Я сделала рукой характерный жест отказа официанту, лениво жуящему бутерброд с красной рыбой. Парень, довольный тем, что не надо прерывать трапезу, радостно кивнул и куснул свой бутерброд так, что стянул с хлеба в рот сразу всю рыбную пластинку.

– Вообще-то вы совершенно случайно обратились по адресу. Я как раз работаю в отделе, занимающемся добавками, способствующими улучшению работы желудочно-кишечного тракта, поэтому могу дать вам вполне профессиональную консультацию, – пропищала воспитанная Мышка.

Я сама удивилась тому, насколько точно попала в цель, и решила от пищевых добавок поскорее перейти к интересующему меня вопросу.

– Понимаете, девушка... Можно узнать, как вас зовут?

– Дарьей.

– Чудесное имя, Дашенька! Так вот! Все дело в том, что на самом деле меня мало интересуют добавки...

Серая Мышка тут же вскочила со стула с целью бежать от подозрительно навязавшейся ей особы куда глаза глядят. Хорошо, что в тесном уличном баре столики стояли так плотно, что перегородили ей дорогу к отступлению, а то только бы я ее и видела.

– Да не пугайтесь вы так, – почти с натуральной горечью в голосе сказала я. – Когда узнаете, в чем дело, то, скорее всего, даже пожалеете меня. – И, тяжело вздохнув, добавила: – Случившееся со мной куда серьезнее рефлюкс-гастрита.

Чувствовалось, что Серая Мышка хотела крикнуть: «Наплевать мне на то, что с вами случилось!», но ей помешала все та же воспитанность, с младых ногтей культивируемая в ней, очевидно, мамашей, которая, скорее всего, была библиотекарем или учителем младших классов. Я театрально уронила лицо в подставленные ковшиком ладони, но расплакалась уже совершенно натуральным образом. Я действительно сходила с ума от того, что Ленечка опять наострил лыжи в сторону от меня. По характерному звуку я поняла, что Мышка опять плюхнулась на стул. Еще бы! Мама-библиотекарь наверняка учила ее, что нельзя оставлять людей в беде и со слезами на глазах. Я даже догадывалась, что она мне сейчас скажет, и мои догадки оправдались почти тютелька в тютельку:

– Вы считаете, что я могу вам чем-нибудь помочь?

Я несколько раз шумно шмыгнула носом, вытерла потекшую тушь салфеткой пивбара и прогундосила, опять начав с пресловутого «понимаете»:

– Понимаете, меня практически бросил муж...

Поверх салфетки я видела, как победно дрогнули тоненькие ноздри Серой Мышки. Ей, конечно же, хотелось бы, чтобы все на свете мужья бросили своих жен, и не практически, а разом и навсегда, и выстроились в очередь на библиотечный абонемент, дабы выпросить у ее мамы прозрачную лапку и мышинное сердце дочери. Не дожدهшься, милая, пока не снимешь свою плащевку и не отстрижешь тощенький хвостик, кое-как замотанный детской резинкой!

Поскольку бледное существо, сидящее на кончике стула напротив меня, не проронило ни слова, мне пришлось продолжить:

– И бросил ради... ради... Впрочем, я не знаю, ради кого... Знаю только, что эта женщина работает в вашей «Здраве»...

– Но... простите... при чем тут я? – пискнула Мышь.

– Вы?! – Я наконец перевела скорбный взгляд на ее личико. – Именно вы и можете мне помочь!

– Я?! Но как?!!

– Я хочу попросить вас... выяснить... с кем роман у моего... мужа (ей совершенно необязательно знать, что Ленечка мне не муж).

– Я?! Выяснить?! То есть... вы предлагаете мне... шпионить? Да за кого вы меня принимаете?! – Мышка в негодовании опять вскочила со стула.

– Я принимаю вас за очень порядочную девушку... – уверила ее я. – У вас такое лицо... Впрочем, я это уже говорила... Понимаете, я долго выбирала, к кому бы мне обратиться в вашей фирме. Передо мной прошло множество тупых и самодовольных красоток, которые и сами запросто разобьют чужую семью. Разве они пожалеют? Да они еще и подтолкнут к пропасти... Вы же... Я сразу поняла, что вы не такая... И потом... я же не прошу вас вливать в кофе этой особе крысиного яду! Я просто хочу, чтобы вы назвали мне ее имя или хотя бы показали... Что в этом такого уж страшного?

– Но... зачем вам ее имя? Не собираетесь же вы жаловаться руководству фирмы? Уверяю, что это ни к чему хорошему не приведет!

– Я и сама все прекрасно понимаю, Дашенька! Я хочу поговорить с этой женщиной... Сказать, что... – Был смысл опять вернуть спасительно-трогательное слово-паразит «понимаете», и я вернула: – Понимаете... я жду ребенка...

Я ребенка ждала пока чисто теоретически и без особой уверенности в результате, но все-рез работала над этой проблемой. Сейчас особенно энергично, поскольку Ленечка ускользал и времени у меня оставалось в обрез. Серая Мышка, очевидно, вспомнила всю неоднократно читанную классику и, разжалобившись, пробормотала:

– Ну... вы не расстраивайтесь так...

– Как же мне не расстраиваться? – проговорила я в стиле героев русских народных сказок, изронив из правого глаза почти хрустально-честную слезу. – Не дает мне вся эта история покоя... что, кстати, может негативно отразиться на ребенке... Вы же понимаете...

Не знаю, что там понимала Мышь, но она явно подобрела ко мне.

– Ну хорошо... Я постараюсь что-нибудь для вас сделать... – сказала она.

Вместо того чтобы радостно выкрикнуть: «Ну наконец-то!», я еле выдавила:

– Спасибо, Дашенька... Я сразу узнала в вас родственную душу...

– И... кто же ваш... муж? – спросила Мышка. – Может быть, я его и не знаю вовсе... У нас много сотрудников... Дела фирмы идут в гору...

– Но ведь вы можете и узнать, если вдруг не знаете, – подсказала ей я.

– Ну... вообще-то, конечно, могу...

Чувствовалось, что Дашенька пожалела, что слишком размякла, но ее мышиный хвостик уже серьезно запутался в моих сетях.

– Мой муж работает в «Здраве» около месяца. Его зовут Леонидом Сергеевичем Зацепиным. Он...

Я хотела назвать Серой Мышке кое-какие Ленечкины приметы на тот случай, если она по какому-то странному стечению обстоятельств до сих пор с ним как следует не познакомилась, хотя работает явно в одном отделе, но она в третий раз вскочила со стула с выпученными глазами. Неужели мамаша-учитель начальных классов не втолковала ей, что неэтично без конца вскакивать во время делового разговора? Серьезный пробел в воспитании!

– Леонид Сергеевич?! Не может быть! – вскричала она, хлопая ненакрашенными ресницами.

– Почему же не может? – вкрадчиво поинтересовалась я.

– Потому что... потому что он говорил, что не женат...

– Вам говорил? – удивилась я.

– Нет... Не мне, конечно... Так, в отделе говорил... между прочим... Женщины спрашивали... шутили, в общем... Он и сказал...

– А вы и поверили?! – трагически проронила я.

– Ну... паспорта у него, конечно, никто не спрашивал...

– Да разве в паспорте дело? – сказала я на тот случай, чтобы у меня было оправдание, если ушлые женщины их отдела как-нибудь уже выяснили, что в Ленечкином новехоньком паспорте действительно нет никаких сомнительных печатей.

– Нет, конечно, – согласилась Серая Мышка и опять уселась на стул.

– Ну так что? – спросила ее я.

– Что? – переспросила она.

– Ну... можете ли вы, Дашенька, предположить, с кем у него мог закрутиться роман в вашем отделе?

– В нашем? – испугалась Мышка. (Видимо, у них в отделе сплошной мышарий, возвращенный библиотекарями.) – У нас... ни с кем!!

– Ну а с женщинами из других отделов?

– Н-не... знаю...

– Так вы узнаете для меня, Дашенька? Клянусь, я в долгу не останусь!

– В смысле?! – вскинулась Мышка. Чувствовалось, что ей опять хотелось вскочить со стула, но она себя сдержала.

– Ну... я буду всегда готова отплатить вам добром на добро, – быстро сказала я, хотя до этого собиралась предложить ей билеты в первые ряды партера БДТ имени Товстоногова, поскольку в администраторах там у меня служила школьная приятельница.

– Хорошо... я попробую... – сказала Дашенька.

– Сколько времени вам на это нужно?

– Н-не знаю... Я позвоню... – И она собралась пробраться к выходу между столиками, но я, разумеется, не могла позволить ей вот так запросто уйти.

– Как же вы позвоните, если не знаете моего номера? Может быть, вы дадите мне номер своего телефона, и тогда мы действительно сможем созвониться? – в спину ей спросила я.

– В фирме запрещены посторонние разговоры по телефону, – отрезала она, не поворачиваясь.

– Я и так знаю номер телефона, где работает мой... муж. Мне и в голову не могло прийти звонить вам туда. Я прошу номер вашего сотового.

Серая Мышка не могла сказать, что у нее нет мобильного, потому что он болтался у нее на шее на шнурке, унизанном ужасными пластиковыми бусинами. Она медленно обернулась, вытащила из сумки шариковую ручку с покусанным колпачком, записала свой номер на салфетке пивбара и поскорее двинула от меня прочь. Разумеется, я тут же набрала этот номер, пока Дашенька еще была в пределах досягаемости. Мало ли чего она мне тут понаписала.

Мышка испуганно откликнулась. Я сообщила ей, что позвоню дня через два. Она предложила позвонить через неделю. Я сказала, что не могу ждать так долго, а потому мы поговорим через три дня, и отключилась.

Всякая ирония тут же оставила меня, когда девушка покинула пивбар. Конечно, лицемерие этого испуганного заморенного существа развлекло меня, но после ее ухода настроение опять упало до нуля. Я подозвала официанта, оторвав его от неистового истребления пищевых запасов заведения, и заказала темное крепкое пиво и соленых фисташек. После пары-тройки глотков сразу «поплыла». Сказалось напряжение последних дней. Вдруг Ленечка сегодня уже не придет! Он всегда исчезал неожиданно. Никогда не приходил за вещами, каждый раз пытаясь отрезать меня от себя навсегда. Потом, возвратившись, донашивал все те же носки, те же футболки, тренировочные брюки и допивал кофе из той банки, которую сам покупал, проживая со мной под одной крышей.

А может быть, ну его, пиво?! Может, лучше пойти в косметический салон и преобразить себя настолько, насколько это возможно в течение нескольких часов? Или подождать, пока Серая Мышка покажет мне разлучницу, и попытаться закосить под нее? Нет, это слишком примитивно. Надо брать своим, эксклюзивным. Я сделала еще один хороший глоток темного «Портера», забросила в рот горсть фисташек и направила свои стопы в косметический салон «Наяда». Название, согласна, отвратительное, зато мастера уже не один раз мною проверенные.

Наяда из меня вышла хоть куда. Из темной шатенки я превратилась в платиновую блондинку. Парикмахерша долго уговаривала меня не резать волосы, которые доходили до пояса, но под моим напором через полчаса все-таки сдалась и сделала мне потрясную короткую стрижку. Со сменой цвета волос пришлось менять и общий колер макияжа. Никогда в жизни я не употребляла косметику цветов куклы Барби, но оказалось, что именно они идеально подходили для создания нового имиджа. Окруженные голубоватыми тенями, мои серые глаза налились небесной голубизной, а ярко-розовые губы приобрели невиданную по сию пору припухлость и сексапильность. Образ довершили коротюсенькая джинсовая юбочка голубого цвета и облегающая кожаная курточка под цвет губ, в которые я обрядилась прямо в одном из стильных бутиков.

Я специально долго таскалась по магазинам, чтобы Ленечка уже успел вернуться домой, если, конечно, он собирался возвращаться в принципе. Зайдя в квартиру, я сразу с порога смогла бы показаться ему во всей красе новой розовой курточки, потрясаяще гармонирующей с губами.

– Ба! – сказал Ленечка, открывая мне дверь. – Ты ли это, Ритулечка? Почто такой маскарад?

Я обиделась, но виду не подала:

– Это не маскарад, чтобы ты знал, а смена имиджа.

– Да ну? – изумился он, принимая у меня из рук тяжелые пакеты с продуктами. Из одного, между прочим, торчала бутылка вина, а в другом, сверху всяческих деликатесов, на самом виду пристроилась прозрачная упаковка с пирожными. – Гульба намечается тоже по поводу смены имиджа?

– Ты против? – нейтрально спросила я.

– Я, признаться, несколько удивлен...

– И это все, что ты мне можешь сказать по поводу того, что видишь?

Ленечка аккуратно поставил на стол бутылку, потом так же старательно, чтобы не попортить, вытащил пирожные и только после этого сказал:

– Мне кажется, что все это... – он одним взмахом руки описал вокруг меня овал, – ... как-то не по возрасту... Ты, случаем, не забыла, сколько тебе лет?

– Я точно знаю, что не восемьдесят! – уже довольно зло выпалила я.

– Но ведь и не двадцать, – сказал он тоном, каким говорят с зарвавшимися тинейджерами.

– Пусть тридцать шесть, и что? Мне никто не дает больше двадцати восьми! – еще громче выкрикнула я, чтобы нечаянно не разреветься.

– Не сердись, – примиряюще сказал Ленечка и даже обнял меня за плечи.

Что ж! Стоило рядиться под сопливую девчонку хотя бы только для того, чтобы он вот так нежно обнял меня и притянул к себе. Я прижалась своими пронзительно-розовыми губами к его губам, как всегда пахнувшим ментоловыми сигаретами, и он не смог отказаться от моего поцелуя. Он вообще ни от чего не смог отказаться. Мой резко омоложенный вид настроил его на сентиментальную волну, и он принялся вспоминать нашу с ним юность. Я не желала копаться в прошлом. Я желала жить настоящим, а потому сделала все для того, чтобы он забыл и про вино, и про пирожные, которые обожал, и, возможно, даже про ту свою новую зазницу из «Здравы». И он о ней забыл. На тот вечер уж точно. Но на справку от гинеколога мы с ним тогда так и не наработали.

Следующим утром, которое неизбежно все-таки пришло за нашей очень жаркой ночью, Ленечка попросил меня не краситься душераздирающей (как он сказал) помадой и не надевать хотя бы на работу ясельную юбочку. Я согласилась. Я готова была соглашаться со всем, только бы он не уходил от меня. Черные, сильно расклешенные шелковые брюки мне тоже здорово шли, а помаду запросто можно чуть-чуть приглушить нанесенным сверху коричневатым тоном.

– Совсем другое дело, – сказал довольный Ленечка и даже соизволил похвалить: – Пожалуй, тебе идут блондинистые волосы. Практически секс-символ! Куда там душке Монро! Гляди, как бы покупатели не разорвали тебя на сувениры!

Ленечка довез меня до книжного магазина, где я трудилась, нежно поцеловал в щеку, чтобы не попортить мои накрашенные губы, и отчалил в свою «Здраву».

И все-таки!.. Мне в затылок уже дышала другая женщина. Я это чувствовала даже тогда, когда этим же вечером Ленечка отказался от просмотра футбольного матча ради того, чтобы пораньше улечься со мной в постель. Все вроде бы было как всегда и все-таки по-другому. Вернее, не просто по-другому, а именно так, как бывало, когда он планировал исчезнуть из моей жизни: несколько отстраненно и задумчиво. Он как бы сравнивал, кто из нас лучше.

Неужели у них дело уже дошло до секса? Жаль, конечно, если так. Но и это мы уже проходили. Не впервой.

Я совсем было собралась позвонить Серой Мышке, когда она вдруг сделала это первой.

– Это Даша, – несколько нервно проговорила она в трубку. – Вы меня узнали?

Странно было слышать подобный вопрос из трубки мобильного, но я, конечно же, ответила очень вежливо и заинтересованно:

– Разумеется, Дашенька! Я очень ждала вашего звонка!

– Так вот... Поскольку уж я обещала, то... Короче говоря... завтра Леонид Сергеевич вместе с нашим коммерческим директором едет на переговоры с конкурирующей фирмой «Ваше здоровье», которая возомнила... Впрочем, вас наверняка не интересует, что возомнила о себе конкурирующая фирма...

– Вы правы, – подтвердила я ее догадку, – совершенно не интересует.

– Так вот... – повторила Серая Мышка свой, видимо, любимый зачин. – В 12.00 вашего Зацепина и... нашего коммерческого директора возле «Здравы» будет ждать машина...

Мышка замолчала, и я вынуждена была спросить:

– И что?

– Как это – что? Вы же, кажется, хотели посмотреть...

– На коммерческого директора?

– Вот именно! На коммерческого директора фирмы «Здрава» Эмму Григорьевну Заречную!

– То есть, вы хотите сказать, что...

– Да, похоже, у вашего... мужа роман с Заречной.

– Похоже или настоящий роман?

– Ну... Я думаю, что настоящий, хотя, конечно, стопроцентную гарантию давать не буду.

– Отчего так?

– Оттого, что они в обнимку по «Здраве» не ходят.

– Но... тогда из каких соображений вы сделали вывод, что...

– Вы и сами, думаю, знаете, из каких соображений можно сделать такой вывод. Это... ну... словом, видно и... все.

– И все... – зачем-то повторила я.

– Вообще-то, не все, – как мне показалось, мстительно сказала Мышка.

– А что еще? – испугалась я.

– А еще... я вам, пожалуй, не завидую...

– То есть? – окончательно струхнула я и даже покрылась испариной так, что трубка мобильного практически приклеилась к щеке.

– Посмотрите на Эмму Григорьевну и сразу поймете, что я хотела сказать.

На этом заявлении Мышка отключилась, а я крепко задумалась. Что же там такого в этой Эмме Григорьевне, что мышастая Дашутка мне не завидует? По сравнению с Мышкой я в своей новой стрижке блондинистого колера выглядела настоящей королевой. Насколько же должна быть хороша Эмма, чтобы Дашенька, жалкий грызун фирмы «Здрава», меня пожалела? Или, может быть, все дело в том, что Заречная – коммерческий директор? Неужели дело в деньгах? Не-е-ет... Ленечка продаться не мог. Это мы тоже уже проходили... Не тот он человек, чтобы ради звонкой монеты... Чувства – это для него святое... Как говорится, мухи отдельно, котлеты... В общем, сами знаете.

Ночью я спала плохо, будто перед экзаменом. В пять часов утра окончательно проснулась, вынырнув из кошмара, в котором Ленечка собирался жениться на одной известной теледиве. Та была в огромном кринолине, который никак не желал пролезать сквозь парадные двери Дворца бракосочетаний на Английской набережной. Эта теледива немедленно вызвала рабо-

чих с отбойными молотками, чтобы они разнесли по щепкам непослушные двери. А я будто бы встала грудью прямо перед могучими жалами отбойных молотков, и они уже даже начали сверлить мне живот, от чего, собственно, я и проснулась. Чуть пониже груди в мое вспотевшее от натуги и огорчения тело впился колпачок от шариковой ручки, неизвестно каким образом оказавшийся в сбившейся в безобразный ком постели. Что ж! Сон почти в руку! Завтра... то есть уже сегодня, возможно, мне и придется заслонить Ленечку грудью. Не отдавать же его коммерческому директору даром, за здорово живешь! Мы с ним так много пережили вместе! Пусть Заречная покупает себе других мужчин и рассверливает для своих кринолинов какие угодно двери.

В 11.30, не без труда отпросившись из магазина, я уже была на посту, то есть все за теми же кадками с карликовыми кипарисами, из-за которых выглядела себе Серую Мышку. День был пасмурным, а потому я повязала голову серым шелковым платком, наподобие молодежной банданы, будто бы от дождя, который уже несколько раз принимался моросить. Мне казалось, что непокрытые обесцвеченные пряди здорово просвечивали бы сквозь кружевные лапки кипарисов, а уж с зонтами и вовсе никто никогда не стоит на посту. Вместо шелковых брюк я опять надела ультракороткую подростковую юбочку. Мало ли с кем из мужчин придется иметь дело в разведке. Мини-юбка – это то, что может вывести их из строя хотя бы на короткое время.

В 11.45 к подъезду «Здравы» подрулил белый «Лексус». Поскольку из него никто не вышел, я догадалась, что это автомобиль коммерческого директора. Не слабо. Похоже, что мне и впрямь, не позавидуешь. Красивее машины я еще не видела. Если Эмма Григорьевна хороша так же, как этот «Лексус», то...

В 11.50 мое сердце уже билось почти во рту. Во всяком случае, за правой щекой что-то бешено пульсировало. Я, схватившись за щеку, как раз пыталась унять мучительное биение самым странным образом переместившейся сердечной мышцы, когда из услужливо разъехавшихся в стороны прозрачных дверей фирмы «Здрава» плечом к плечу вышли мой Ленечка и... В общем, Серая Мышка по имени Даша была права. Известная теледива в своем кринолине недостойна была бы мести перед Эммой Григорьевной дорогу к белому «Лексусу». Заречная была не просто красавицей. Мало ли по Питеру бродит красавиц! От Эммы трудно было отвести глаза. На ее открытом лице с удивительной чистоты голубыми глазами, прямым аккуратным носом (не кукольным, а... в самый раз) и улыбающимся ртом с чуть выдающейся вперед верхней губой не было ни грамма косметики. Лицам с такими нежными естественными красками никакой грим не нужен. А волосы! Какие же чудесные у нее были волосы! Сравнение, конечно, банально, но они у нее – впрямь цвета спелой пшеницы и такие густые, что лежали на плечах золотистым монолитом: ни ветер не развеет, ни дождь не намочит. Я невольно натянула поглубже свою бандану. Да-а-а, представляю, как Ленечку насмешили мои стриженные волосишки! Вот ведь уговаривала меня парикмахерша не стричься! Как в воду глядела... И эта моя детская курточка цвета карамели с вареньем... Такое убожество... На Эмме Григорьевне был надет небрежно примятый облегающий брючный костюм бежевого цвета. Ноги у нее длинные, модельные, но при этом, как говорится, все при всем: бедро – куда шире, чем классические «90», а из выреза пиджака без лацканов выпирает ослепительная грудь. И все, между прочим, в меру... Все в меру... И вся Эмма Григорьевна – воплощение молодости, здоровья и успеха. Фирменное лицо «Здравы». Посмотришь на нее, и сразу хочется скупить все их пищевые добавки, чтобы выглядеть так же обворожительно.

Ленечка пялился на нее соответственно тому, как это и должен делать любой мужчина при виде прекраснейшей из женщин. Я его даже не осуждала. Я его очень хорошо понимала.

Эмма Григорьевна что-то сказала Ленечке. Он залился смехом, и такой вот, смеющийся, открыл дверь машины, куда резво и забралась коммерческая директриса. Мой мужчина впорх-

нул вслед за ней, и «Лексус» покинул стоянку возле фирменных дверей «Здравы». Я проводила автомобиль глазами и задрала голову вверх. Мне казалось, что из какого-нибудь окна здания непременно должна выглядывать торжествующая Серая Мышка. Ее неприметное личико наверняка выражает нечто вроде: «Ну что, съела?! Не только нами, мышами, пренебрегают!» В бликующих окнах никого рассмотреть мне так и не удалось. Но Мышка должна была наблюдать за мной! Зуб даю!

Ради Ленечки я готова пожертвовать даже несколькими зубами, но никто меня об этом не просил, а потому надо было срочно сосредоточиться на другом, что я и сделала. Для начала купила в ближайшем почтовом отделении большой конверт для деловых бумаг, затолкала туда несколько газет и красиво надписала сверху: «Коммерческому директору Заречной Э.Г.», а чуть ниже – полное название фирмы, которое значилось на темно-синей с золотом вывеске «Здравы». Сначала я хотела сбоку, как сейчас принято, надписать адрес отправителя – фирма «Ваше здоровье», куда и отправились Заречная с Ленечкой, но сообразила, что не знаю ни их реквизитов, ни фамилий руководства, а потому написала: «ЗАО „Лекарственные травы“». Никогда в жизни не слыхивала о подобном ЗАО, но подумала, что именно с какими-нибудь лекарственными травами и может сотрудничать (или конкурировать) «Здрава». Вооружившись таким образом деловым пакетом, я сняла шелковую бандану, взлохматила пятерней белоснежную стрижку и прошла сквозь мгновенно раздвинувшиеся при моем приближении двери «Здравы». Огромный мордатый охранник, лениво выползший из-за своей стойки, тут же потребовал от меня объяснения цели визита. Пришлось изящно потрясти конвертом и доложить, что иду к секретарше коммерческого директора Заречной Э.Г. по предварительной договоренности. Охранник сказал, что Эмма Григорьевна только что отъехала в фирму «Ваше здоровье» и что пакет я вполне могу передоверить ему.

– Я же сказала, что иду не к Заречной, а к ее секретарше, – прижав к груди конверт с газетами, как можно надменнее выговорила я, чтобы этот плебей в синей униформе тут же понял, где его место.

Охранник действительно кое-что понял, но не то, что следовало бы по долгу службы. По долгу службы он обязан был бы спросить у меня какой-нибудь представительский документ и позвонить секретарше Заречной, чтобы та подтвердила нашу с ней предварительную договоренность. Ничего такого мордатый охранник не сделал, потому что вместо документа я вовремя предъявила ему свои ноги, очень соблазнительно открытые мини-юбочкой. Если бы не снующие туда-суда сотрудники фирмы «Здрава», этот мужлан наверняка ущипнул бы меня пониже спины. Я фривольно улыбнулась, что он, похоже, воспринял в качестве разрешения на щипок по возвращении, и секретарше Эммы Григорьевны не позвонил. Я продефилировала мимо него, слегка задев бедром, за что он по собственной инициативе назвал мне номер кабинета секретарши коммерческого директора.

– Знаю, – сквозь зубы бросила ему я и юркнула в лифт.

Честно говоря, ранее я никогда в скоростных лифтах не ездила, даже в самые лучшие свои времена, а потому сильно удивилась, когда через какие-то секунды серебристые створки разъехались прямо перед надписью «Этаж № 5». Приемная коммерческого директора гостеприимно распахнула передо мной свои двери, как только я прошла с лестничного пролета на этаж. Пришлось Сивкой-Буркой стать перед секретаршей, как лист перед травой, и завопить:

– Неужели не успела?! Неужели она уже уехала?!

– Ес-сли в-вы об Эмме Григорьевне... – заикаясь от неожиданности, чирикнула маленькая худенькая секретарша, – то да... она только что уехала.

– Такая беда! Такая беда! – продолжила я валять ваньку, потрясая своим пакетом. – И как же она без этих документов?! Она ведь без них, как без рук!

– М-может, ей позвонить? И вы куда-нибудь с ними подъедете? – предложила секретарша, отнюдь не утратившая способности соображать.

– Точно! Вы правы! – тут же подхватила я и в срочном порядке вытащила свой мобильник, чтобы секретарша не успела позвонить Заречной первой. Набрав первые попавшиеся цифры, и не нажимая кнопку вызова, через пару секунд я заголосила еще пронзительней: – Эмма Григорьевна! Это я! Простите! Не успела! Такие, знаете, нынче пробки! Просто беда! Что сделать? Куда завезти? Домой? К вам? Почему домой?.. Ах, вы туда заедете за... А-а-а! Ясно... Хорошо, сейчас же выезжаю! – Сделав вид, что Заречная уже отключилась, я чертыхнулась, будто бы опять набрала ее номер и опять закричала на всю приемную: – Да! Это снова я! Эмма Григорьевна! Я же не знаю, куда ехать! Где вы живете? – Я перевела взгляд на секретаршу и медленно, с расстановкой произнесла: – Понятно. Адрес взять у... белочки... У какой белочки? – Я картинно выпучила глаза, вроде как от недоумения. – Ах, у секретарши... Хорошо, Эмма Григорьевна! Ждите меня, Эмма Григорьевна! До встречи, Эмма Григорьевна!

Не успела я закончить свой спектакль, как мой телефон выдал канкан, который я недавно установила себе в качестве звонка. На экране высветился портрет моей приятельницы Татьяны, но я завела новую песнь, посвященную Эмме Григорьевне (Татьяне все потом объясню, она не из обидчивых):

– Да-да, Эмма Григорьевна! Конечно, Эмма Григорьевна! Захвачу, Эмма Григорьевна! Конечно же, Беллочка мне поможет! Еще раз до встречи, Эмма Григорьевна!

Я щелкнула флипом своего складного мобильного и потребовала у секретарши адрес Заречной, сама еще толком не представляя, на что он мне может сгодиться. Что касается Беллочки, то это была чистой воды импровизация. На бейджике секретарши красовалась надпись Орловская Белла Константиновна, и я, как оказалось, правильно предположила, что начальница вполне может называть свою тощенькую и молоденькую секретаршу Беллочкой. Эта самая Беллочка тут же лихо нацарапала на лимонно-желтом листочке для записок адрес своей начальницы, подала мне с выражением приторного подобострастия на лице (видать, побаивалась Эмму Григорьевну) и еще более угодливо спросила:

– Кажется, что-то еще?

Я лихорадочно соображала, что бы мне еще от нее затребовать, раз уж так сегодня фартило, и придумала следующее:

– Эмма Григорьевна просила захватить ее... ежедневник, который лежит то ли на столе... то ли в столе... в общем, вам лучше знать...

Беллочка кивнула, скрылась в кабинете начальницы и через минуту вернулась с толстой книжицей в кожаном густо-малиновом переплете.

– Пожалуйста, – пропищала Беллочка, а я подумала, что сегодняшний день станет последним ее днем в фирме «Здрава». Жаль, конечно, девчонку, но не настолько, чтобы отказаться от ежедневника из вражьего стана. В конце концов, Беллочка так молода, что в ее жизни будет еще много разных фирм, и, может быть, в другой ей повезет больше, поскольку она, приобретя бесценный жизненный опыт, уже никогда никому не поверит на слово.

Я сунула малиновую книжицу в сумку, распрощалась с простушкой Беллочкой и, стараясь не торопиться, вышла из приемной. Мимо мордатого охранника удалось просочиться вполне благополучно в гуще толпы сотрудников фирмы, которые, похоже, спешили на обеденный перерыв. Я сделала вывод о том, что сегодня – явно мой день, а потому стоит достойно завершить успешно начатое. Пожалуй, в ежедневнике я пороюсь несколько позже, а сейчас есть смысл нагрянуть на квартиру коммерческого директора фирмы «Здрава», пока они с Ленечкой прохлаждаются в «Вашем здоровье». Может быть, повезет узнать, с кем она проживает.

Проживала Эмма Григорьевна с очень приятным кареглазым мужчиной с чреслами, обернутыми интенсивно-синим махровым полотенцем. Его черные волосы были мокры, а на щеках блистали капельки влаги.

– Я из горэнерго, – сказала я. – Мне нужно снять показания вашего счетчика.

Мужчина был настолько мускулист, а я в своей розовой кожаной куртке – настолько невинна, что хозяин квартиры (или сожитель Эммы) услужливо посторонился и даже приоткрыл дверцу, за которой висел счетчик. Я достала ежедневник Заречной, шариковую ручку и на первом же чистом листе вывела цифры, которые увидела в окошечках. Уходить после этого не хотелось. Глупо было просто так взять и уйти с абсолютно ненужным четырехзначным числом в ежедневнике.

– Вы хозяин квартиры? – спросила я опять в режиме чистой импровизации.

– Нет, – покачал головой мужчина, обдав меня веером холодных брызг. – Владелица квартиры – моя жена, Заречная Эмма Григорьевна. – А что? Вам не нравятся показания счетчика?

– Нравятся, но... у меня вот тут... – Я потрясла ежедневником и даже пролистнула несколько страниц, – записано, что у вас... недоплата в... двадцать четыре рубля. Будьте добры, сообщите жене, чтобы она доплатила.

После этого я поспешила к выходу, чтобы мужчина не принялся меня расспрашивать, где платить и как (откуда мне знать, где жители этого района платят за электричество?), но он ничего не спросил. Видимо, все и так знал. Я тоже узнала то, что мне было нужно: Эмма Григорьевна замужем, и Ленечке придется стреляться с этим... в полотенце, потому что за просто так он свою Эмму явно никому не отдаст и даже не променяет. На меня, например, он смотрел без всякого бубнового интереса, и я его понимаю. На что ему моя тинейджерская юбка, когда у него есть царственная Эмма внутри бежевого, элегантно примятого брючного костюма?! Бедный, бедный Ленечка... Его можно только пожалеть, но долго предаваться жалости не стоит. Нужно действовать, поскольку Эмма Григорьевна вряд ли собирается докладывать своему... в полотенце, что закрутила роман с сотрудником фирмы. А раз дома у коммерческого директора проживает законный муж, значит, Ленечке уходить от меня некуда, и мы с Эммой будем неопределенное количество времени делить Зацепина на двоих. Ей-то что! У нее вместо одного мужчины (мужа) их станет полтора, а у меня останется всего лишь половина Ленечки, на что я категорическим образом не согласна.

Обдумывать создавшуюся ситуацию я поехала на свое рабочее место. Время, на которое я отпросилась, уже почти истекло, а в торговом зале книжного магазина самообслуживания с бдением у полок с литературой всегда можно совместить мыслительный процесс любой степени напряженности.

Сразу скажу, что план военных действий я обдумывала три дня. Ежедневник Заречной был мной залистан чуть ли не до дыр, но ничего такого, что могло бы мне пригодиться, я в нем так и не нашла. Две ночи между этими днями я лезла вон из кожи, надеясь на то, что Ленечка, сраженный моей сексуальной изощренностью и ненасытностью, выбросит из головы журавля в небо, когда в руках такая классная синица. Но он не выбрасывал. Я чувствовала это все теми же нейрофибриллами – тонкими волокнами всех нервных клеток одновременно. Ленечка уже был настроен на волны, исходящие от Эммы Григорьевны Заречной – обворожительной женщины и по совместительству коммерческого директора фирмы «Здрава». Он обнимал меня и целовал, но не только не был сражен моим темпераментом, но, похоже, даже наоборот: ему было как бы неудобно, что я так надрываюсь. Не молокососы, поди... Можно и поскромнее... В общем, достал меня Ленечка своей холодностью, так достал, что...

На четвертый день я поняла, что все придуманное никуда не годится, но тут Ленечка сообщил, что уезжает на два дня в филиал «Здравы» в Липецке вместе с начальником своего отдела и коммерческим директором фирмы. Разумеется, он мне не сказал, что коммерческим директором является восхитительная женщина, а я, конечно же, ни о чем расспрашивать не стала.

Я особенно «тщательно» собрала Ленечку в командировку, не уложив в сумку ни сменных трусов, ни носков, ни самого паршивого дезодоранта, чтобы создать хоть какое-то пре-

пятствие перед сладостной ночью любви. Конечно, можно выйти из душа и вовсе без трусов, обмотавшись полотенцем, как Эммин муж, но потом все равно захочется переодеться в чистое – ан нет! Не во что! Если Ленечка потом вздумает ко мне прицепиться, то я покажу ему пакет, который якобы случайно забыла положить в его дорожную сумку.

Сразу после отъезда Ленечки, уже особенно не заморачиваясь, я написала мужу Эммы самую банальную анонимку. Так, мол, и так... ваша жена, такая-то и такая-то, тайно встречается с таким-то и таким-то и именно с ним уехала в командировку. А если не верите, то можете в этом лично убедиться, встретив голубков на вокзале по возвращении из Липецка. Чтобы обманутому мужу было легче сориентироваться среди пассажиров, я набросала словесный портрет Ленечки. По необыкновенным серо-дымчатым глазам все его всегда сразу узнавали. Анонимку я подбросила в почтовый ящик квартиры Эммы, понимая, что в ее отсутствие именно муж и достанет заветное письмецо из ящика. Его жгуче-карие глаза и могучий торс обещали, что он отреагирует на него должным образом и мало Зацепину не покажется.

С большим нетерпением я ждала Ленечку из командировки. Мои самые смелые ожидания оправдались в полной мере. Мой мужчина вернулся в состоянии крайнего бешенства и с полным отсутствием пуговиц на пиджаке. Он яростно бросил дорожную сумку на пол у вешалки и вместо приветствия прорычал:

– Черт знает что такое!

Разумеется, я сделала невинно-удивленные глаза. Потом секунду помедлила, перестроила их в смертельно обиженные, резко развернулась и гордо удалилась в комнату. Из коридора долгое время не раздавалось ни звука, а потом Ленечка ворвался в комнату, рухнул на диван рядом со мной и выдохнул:

– Ну... прости... Это относилось не к тебе...

Я продолжала гордо молчать, «замкнувшись в горе».

– Рита... Ну... говорю же, что ты не имеешь к моему дурному расположению духа никакого отношения, – опять начал Ленечка, морщась и нервно барабанив пальцами по подлокотнику дивана.

– А кто имеет? – спросила я, «слегка оттаяв».

– Черт его знает! Видишь?! – И он показал мне на полу пиджака с выдранными пуговицами.

– Ну и?.. – подбодрила его я.

– Ну и... вот! Представляешь, набрасывается на меня на вокзале какой-то урод... настоящий маньяк...

– И что? Обрывает пуговицы? Редкий вид шизофрении!

– Да понимаешь... ему почему-то взбренило, что я... – извернув растопыренную кисть своей правой руки, Ленечка резко ткнул себя в грудь мизинцем, – любовник его жены!

– А ты не любовник? – усмехнулась я.

– Представь себе, нет! – Он вскочил с дивана и забежал по комнате. – Я всегда готов ответить, если виноват! Но тут! Ни сном ни духом! Никогда и ничего! И вдруг при всем честном народе! При руководстве! Ты только представь, что про меня подумало мое начальство?!

– Что бы они ни подумали, это не имеет никакого отношения к твоим деловым качествам, – осторожно заметила ему я.

– Что ты говоришь, Рита?! – возмутился Ленечка. – Сейчас все имеет отношение! Этот... – Зацепин при мне впервые в жизни очень заковыристо выругался, – запросто может скомпрометировать не только меня, но и фирму, где угодно и как угодно, если уж не постыдился дебоширить прямо на перроне! Между прочим, с нами собирались поехать представители из Липецка. В последний момент договорились, что они приедут позднее... Ты только представь, как бы мы все перед ними выглядели?! Да они развернулись бы и уехали обратно! Или заключили бы договор с другой фирмой! Неужели ты этого не понимаешь?!

Но я понимала другое. Волноваться по поводу престижа фирмы «Здрава» должна Заречная, муж которой устроил дебош на вокзале, но Ленечка ее имени даже не упоминал. Эдакий невинный младенец! Ни разу не сказал, что среди того самого руководства, за которое он так переживал, присутствовала женщина, чей муж и являлся маньяком, обрывающим на вокзалах у порядочных мужчин пуговицы с пиджаков. Разумеется, говорить ему, что мне многое известно, я не стала. Я сказала:

– Понимаю.

– Ничего ты не понимаешь! – трагически провозгласил Ленечка, безнадежно махнул рукой и упал в соседнее кресло прямо на пакет с запасным бельем и дезодорантом, который как раз его и дожидался из командировки. Зацепин опять болезненно сморщился, вытащил из-под себя пакет, рассмотрел его с большим вниманием и смог только воскликнуть: – О!!! Вот они!!!

Я с несчастным лицом развела руками, пролепетав:

– Забыла положить... нечаянно...

Ленечка запустил пакетом в угол комнаты и пошел в ванную. Ужинали мы в полном молчании, а спали, повернувшись друг к другу спинами. Утром Ленечка попытался как-то ко мне приласкаться, но я гордо сбросила его руку со своего плеча. Правда, встав в боевую стойку у книжных полок своего магазина, я уже пожалела, что вела себя так независимо. Наверно, надо было вечером сразу забраться к Ленечке в ванную, чтобы он в очередной раз убедился: я – самый удачный вариант. Никакие мои мужья не станут выяснять с ним отношения ни на вокзале, ни в коридорах фирмы «Здрава» по причине полного отсутствия таковых. В общем, вечером я решила полностью его «простить» и еще раз доказать свою самую преданную любовь.

Но вечером Ленечка явился еще более взвинченным, нежели был вчера. Наверняка ему пришлось объясняться с Эммой на предмет того, каким образом ее муж пронюхал об их связи. Разумеется, он даже не мог предположить, откуда дул ветер, а потому я постаралась вести себя с ним самым нежным образом, будто бы прошлым вечером никакой размолвки между нами не случилось.

– У тебя опять неприятности? – задумчиво спросила я, обняла Ленечку, сидящего на кухонной табуретке, и прижала его голову к своей груди.

– Неприятности, – процедил он и даже не подумал ответно обнять меня.

– Да что еще случилось, милый? – Я отошла от него, уселась напротив и уставилась ему в глаза. – Ты расскажи! Легче станет!

Он покрутил в руках вилку, бросил ее на стол и ответил:

– Я еще и сам толком не понимаю, что случилось...

– Леня! Неужели опять?

– Что? Ну что опять?! – Зацепин схватил вилку и снова бросил ее на стол. Мне показалось, что ему хотелось как-то выразиться в звуке.

– Опять другая женщина, да? – Я чувствовала, что говорю не то. Я не хотела выяснять отношения, я собиралась его любить, вопреки всему, но... Но какой любящий да не поймет меня?

– Рита!!! Уж эти мне женщины!! Еще раз говорю, что я сам еще ни в чем не разобрался! И вообще! Я с работы! Дай мне наконец поесть!

Пожалуй, Ленечка предлагал неплохой вариант, и я живо наложила ему полную тарелку жареной картошки со свиной отбивной на косточке. После этой отбивной, хорошего бокала крепчайшего кофе и телевизионных «Вестей» Зацепин расслабился, размяк и даже исполнил обязанности, которые, будь мы в законном браке, назывались бы супружескими. Я же после этого расслабиться так и не смогла. Как я уже говорила, Ленечка любил сопровождать эти самые отношения цветистыми фразами и уверениями в нечеловеческой любви, но в этот раз слияние наших тел происходило в полном молчании. Было похоже, что мысленно Ленечка находился очень далеко от меня.

А потом события начали развиваться так быстро, что я, возможно, не всегда успевала вовремя сориентироваться и поступала неправильно, но соображать надо было, что называется, на ходу.

Не успела я еще струями душа толком охладить любовный пыл, как Ленечке позвонили на мобильный телефон, который он бросил на тумбочке в прихожей. Он довольно громко проорчал в трубку всего несколько слов: «Хорошо. Сейчас буду». Когда я выскочила в коридор, кое-как накинув на мокрое тело халат, он уже натягивал на плечи ветровку.

– Куда? – выдохнула я.

– Скоро приду, – ответил Ленечка таким тоном, что я поняла: возражать бесполезно.

Вернулся он не так уж скоро, но и не слишком поздно. В двадцать три часа семнадцать минут. Так показывали мои электронные часы, на которые я почти неотрывно смотрела, угнездившись в углу дивана, как только он ушел. Тело мое давно высохло, а волосы торчали во все стороны слипшимися прядками. Я видела свое отражение в темном экране телевизора, но даже и не подумала о том, что неплохо бы причесаться.

– Так! – грозно сказал Ленечка, опять резко бросив свое тело в кресло, которое откатил от стены и поставил точно передо мной. – А теперь говори! Правду и только правду!

– Какую именно? – спросила я и почувствовала, что жутко мерзну под тонким коротюсеньким халатиком. Он был хорош для отправления любовных обрядов, но никак не для дачи показаний.

– А правда, милая моя, она одна, – очень весомо выговорил Ленечка.

– Неужели? – Я заставила себя улыбнуться и решила идти ва-банк: – По-моему, у тебя этих правд тоже несколько. Одна для меня, другая – для коммерческого директора фирмы «Здрава»! Разве не так?

Ленечка с печальной улыбкой покивал головой:

– Значит, все-таки это правда.

– Что?

– Это ты устроила мне разборку с мужем Эммы Григорьевны!

– Неужели это был муж Эммы Григорьевны? – истерично расхохоталась я. – Мне показалось, что это был совершенно незнакомый тебе маньяк, помешанный на отрывании пуговиц с мужских пиджаков!

– Представь, я тогда действительно его не знал.

– Да ну?!

– Рита!

– Ты ни разу не сказал мне, что едешь в командировку с женщиной и что именно ее муж наkostenял тебе на вокзале! Зачем врал?!

– Да не врал я! Действительно не сказал про Заречную, потому что знал, как ты к этому отнесешься! Устроишь истерику на голом месте!

– На голом! Да что ты говоришь, Ленечка! Я видела это «голое место»! Таких красавиц надо еще поискать! Не будешь же ты отрицать, что влюбился в коммерческого директора?! Да я давно это поняла, Зацепин! Я так хорошо тебя знаю, что мгновенно чую, когда ты намыливаешься, чтобы ускользнуть к очередной бабе!

– Рита! Ты прекрасно знаешь, почему в моей жизни появляются, как ты выражаешься, другие бабы!

– Да потому что ты – бабник, Ленечка!

Он отвернулся от меня к окну, громко сглотнул и задушенно сказал:

– Уж тебе-то известно, что это не так...

– Слушай, Леня! А пошел ты... к своей Эмме! Насовсем! – Я поднялась с дивана, прямо у его носа скинула халат и натянула на голое тело тренировочный костюм, поскольку на нервной почве совершенно заоченела.

Ленечка схватил меня за плечи, развернул к себе и горячо заговорил в самое лицо:

– А ты можешь себе представить, что дело вовсе не в Эмме, хотя она, безусловно, красивая женщина! Но ведь и ты красивая, Ритка! Вы разные, но обе красивые! Да разве твоя красота принесла мне счастье?! Разве принесла?! И Эммина не принесет! Я давно уже красавиц осторожненько обхожу стороной!

– Не ври, Зацепин! – крикнула ему в ответ я. – От тебя за версту несет чужой женщиной! И уже давно!

– Да, ты права... но...

– Но что?!

– Но Эмма тут ни при чем.

– Отлично! И кто же она? Я ее знаю?

– Как выяснилось, знаешь.

– Ну?

– Ну... в общем, это... Даша Колесникова...

– Не знаю я никакой Даши Колес... – начала я и осеклась. Даша? Где-то я слышала это имя совсем недавно...

– Вижу, что сообразила, – обрадовался Ленечка и даже выпустил мои плечи, которые уже начали ныть от стискивающих их мужских пальцев. – Я поведал ей о кошмарной истории с Заречными, и она вынуждена была признаться мне, что ты с ней разговаривала. Ты, Рита, даже не представляешь...

– погоди, Ленечка, – прервала его я. – То есть... Даша Колесникова – это та самая... – Я хотела сказать: «Серая Мышка», но вовремя остановилась.

– Да, это та самая девушка из нашей фирмы, с которой ты общалась дня за три до моей командировки в Липецк, будь она неладна... в смысле... командировка в Липецк... Так вот: Даша сказала, что никак не могла разубедить тебя в том, что Эмма Григорьевна Заречная не имеет ко мне никакого отношения!

Я ошарашенно молчала. Вот так Даша Колесникова! Невинная Дашутка, взращенная кристальной мамашей-библиотекарем или учителем начальных классов! Серая Мышка! Надо же мне было так вляпаться! Но каким образом на это бесцветное создание в клетчатом воротничке вдруг запал Зацепин?! Непостижимо! Пока я осмысливала эту сногшибательную новость и пыталась с ней как-то свыкнуться, Дашутка, оказалось, не дремала. Во всяком случае, я не успела еще открыть рта, а Зацепин уже кричал в звонившую трубку мобильного:

– Да, Дашенька! Я же сказал, что приеду! Все улажу и приеду! Ну конечно! Как договорились! И я тебя тоже!

Вот ведь как все оказалось запущено! Он ее тоже! Наверняка целует! И куда же он к ней приедет? К мамаше на абонемент или на родительское собрание в 1-й «Б»? Вероятно, эти мыши норкуют в одной комнатухе коммуналки! Ну не идиот ли Ленечка! Неужели за шкаф или за занавесочку потянуло! Ну надо же быть таким слепым идиотом!

Зацепин спрятал мобильник, посмотрел на меня несколько виноватыми глазами и хотел что-то сказать, очевидно, про Эмму и мой нехороший поступок, но я ему не дала:

– А нельзя ли, мой дорогой, поподробнее про то, как твоя СЕРАЯ МЫШЬ... – я специально выделила голосом последние два слова, – отговаривала меня не связываться с Эммой Григорьевной?

Ленечка, конечно же, уцепился за «Серую Мышь» и заголосил:

– Никакая она не мышь! И тем более не серая! Она умница! Да-да! Она столько всего знает! И пусть она не так ослепительна, как вы с Эммой! Но я уже сказал, что вы, красавицы писанные, мне, прости, но уже обрыдли до смерти! А Дашенька... Она меня понимает! У нее такой богатый внутренний мир! Она такая...

– Она гнусная, подлая лгуныя, Зацепин! – жестко оборвала я его восторженную песнь.

– Да как ты смеешь?! – взвопил Ленечка, и мне показалось, что он готов был меня ударить. Эх его зацепил мышиный интеллект!

– Смею, потому что именно твоя Дашенька с богатым внутренним миром присоветовала мне заняться вашим коммерческим директором!

– В каком смысле?

– В прямом! И я готова рассказать тебе об этом, если ты обещаешь не перебивать меня воплями «не может быть!».

– Я не верю тебе, Рита, – еле выговорил сквозь зубы Ленечка, когда я самым честным и подробным образом рассказала ему всю свою эпопею с четой Заречных.

– Ты меня знаешь сто лет и не веришь?! – возмутилась я. – Во мне, проверенной годами совместной жизни, сомневаешься, а какой-то мышастой Дашеньке поверил?!

– Да она никогда не могла бы до такого додуматься!! Вот ты – могла бы! Этому я верю сразу и безоговорочно! Ты врешь, как пишешь! А чтобы Даша... подставила невинного человека... в смысле... Эмму Григорьевну... Да она, если хочешь знать, не так воспитана... в смысле... Даша...

– Слушай, Ленечка, а Дашуткина маманька, случаем, не в библиотеке работает? – с улыбкой спросила я.

– Представь себе, не в библиотеке, – мстительно отозвался Зацепин, явно, чтобы я не воображала себя прозорливым Шерлоком Холмсом.

– Нет? Тогда, наверно, в школе?

– Ну... допустим, в школе... И что?

– Вот ведь так и знала! – хлопнула я себя по коленям обеими руками. – В первом «Б»?!

– Н-нет... То есть не знаю, – помотал головой Ленечка. – Хотя... уж точно не в первом.

Она литературу преподает.

– А-а-а... Великую и могучую, как и русский язык, на котором она написана.

– Ну и к чему эта твоя убийственная ирония? – скривился Ленечка. – Не понимаю.

– А к тому, что те, которые Достоевского преподают, запросто могут сами, кого хочешь, укокошить, а не то что подставить. А потом какой-нибудь раскольниковой теорией прикроются: мол, право имеют. Не твари, мол, дрожащие! В общем, рабы не мы! Мы не рабы!

– Что ты мелешь, Рита?! – пришла пора возмущаться Зацепину.

– Да я просто уверена, что твоя Дашулька, подставляя Эмму, развела в своем дневничке демагогию на предмет того, что все это делает во имя великой любви, которая оправдывает любые средства. И еще наверняка писала, что Эмме и так всю жизнь везло, и если чуть-чуть не повезет, то это будет только справедливо и ей же на пользу. Мне, конечно, тоже давно пора всплакнуть. А она, Мышка, заслужила себе немножечко человеческого счастья длительным воздержанием и превозмоганием превратностей судьбы!

– В каком еще дневничке? – с большим подозрением посмотрел на меня Ленечка. – В Интернете что ли?

– Ага! В Интернете! – истерично расхохоталась я. – Совсем у тебя, Ленечка, крыша съехала! Она в тетрадке кропает. В клеточку. С каким-нибудь голубком на обложке!

Ленечка подошел к окну, откинул в сторону занавеску, надышал на стекле пятнышко, зачем-то нарисовал на нем крест и, опять повернувшись ко мне лицом, заявил:

– Это ты все специально придумала! Мне назло! Ты всю жизнь все делала мне назло!

– Я тебя, дурака неразумного, всю жизнь возвращала с небес на землю. А здесь, на земле, все женщины одинаковы. Идеала нет, Ленечка. А если и есть, то недостижим. На то и идеал! И твоя Дашенька – фантом, иллюзия! Ты в очередной раз придумал себе подругу жизни, с которой будет якобы очень легко преодолевать трудности и невзгоды! Пора наконец понять,

что я лучше всех твоих баб хотя бы потому, что ты всегда знаешь, чего от меня ожидать! Я предсказуема, Зацепин!

Именно в этом месте моего поучительного монолога опять запиликал Ленечкин мобильник.

– Я слушаю тебя, Даша, – похоронным голосом проговорил Ленечка.

Видимо, Серая Мышка тоже отметила погребальное интонирование своего возлюбленного, потому что он еще трагичнее сказал в трубку:

– У меня такой голос потому, что Рита мне только что рассказала, как все было на самом деле. Нет-нет! Ей незачем меня обманывать! Ты просто не в курсе, Даша. Мы с ней знакомы... дай бог памяти... с двенадцати лет... так что... Словом, я всегда знаю, когда она врет, или, говоря литературным языком, сочиняет, а когда говорит правду.

Сидя против Ленечки на диване, я слышала, как все громче и громче захлебывается рыданиями Дашенька. Наблюдала, как все больше и больше темнеют светлые Ленечкины глаза. На самом высоком мышинном писке Зацепин отключил телефон.

– Фу, как некрасиво, Ленечка, – криво улыбнувшись, заметила ему я. – Разве тебя не учили, что обрывать человека на полуслове неприлично, и особенно если человек – дама сердца?!

Он затравленно посмотрел на меня и сказал:

– Она говорит, что сделала это во имя высокой любви.

Я согласно кивнула, а он продолжил:

– И что счастливую и безоблачную жизнь Эммы Григорьевны давно пора было разбавить неприятностью, и что она... то есть Даша...

– Неужели, как я и говорила, заслужила немного счастья?!

– Да, все именно так, как ты и говорила...

Зацепин сунул телефон в карман, снял наконец ветровку и комком бросил ее в кресло. Я поднялась с дивана, подошла к нему, крепко обняла и сказала:

– Я люблю тебя, Ленечка. А ты любишь меня. Глупое чувство к примитивной Дашеньке растает, как снег весной. Надо только немножко подождать, и все пройдет! Вот увидишь! А я, как всегда, помогу тебе забыть ее побыстрее!

Зацепин продолжал стоять у окна истуканом, но я знала, что делала. Приподнявшись на цыпочки, я целовала его щеки, губы, тоненькие лучики первых морщинок возле глаз и при этом приговаривала самые ласковые и красивые слова, какие только знала. Раз Ленечка любит, чтобы было со словами, пусть он сегодня получит их сполна. Я перебрала все классические варианты любовной белиберды, и на заявлении «Я готова ради тебя на любую муку» Ленечка сломался. Он обнял меня крепче крепкого и продышал в ухо что-то вроде того, что пожизненно приговорен ко мне.

Когда совершенно измочаленный переживаниями и моей любовью Зацепин заснул, я погрузилась в воспоминания. Неужели мы с ним знакомы с такого нежного возраста? Неужели с двенадцати лет? Да-а... Все точно... С шестого класса...

В то лето, когда мне исполнилось двенадцать, моя семья переехала в новую квартиру, и в сентябре мы с сестрой Людмилой пошли в другую школу: Людмилка в девятый класс, а я – в шестой. Точно... Тогда это был шестой класс...

Ленечку я увидела сразу, потому что он сидел за первой партой в среднем ряду, у которой я как раз и стояла, когда классная руководительница представляла меня своим подопечным. Я уже тогда поразилась удивительно светлым Ленечкиным глазам. И еще тому, каким Ленечка был маленьким для шестиклассника. Он еле возвышался над партой. Рядом с ним было свободное место. Обычно, как потом выяснилось, рядом с Ленечкой сидела Наташа Ильина, но она тогда почему-то еще не возвратилась в школу после летних каникул. Мы сидели с Зацепи-

ным за одной партией целых две сентябрьские недели. Ленечка влюбился в меня сразу и на всю жизнь, а я... Ну разве я могла ответить взаимностью эдакому недоростку с блеклыми глазами и чрезвычайно оттопыренными ушами. Да никогда! Тем более что в меня, красавицу, влюбились абсолютно все мальчишки нашего 6-го «А» и двух параллельных «Б» и «В». Разумеется, все девчонки шестых классов устроили мне бойкот. Всю первую четверть со мной никто из них не разговаривал. Наташа Ильина, возвратившаяся наконец в школу, сунулась было ко мне с приветствием и знакомством, но ей быстренько объяснили, как себя вести с «этой Маргошкой». Скажу, что выдержать девчоночью ненависть было очень нелегко. По ночам я плакала в подушку, но взрослым не жаловалась. Этот бойкот был очень престижным: не за подлость, а за красоту. И рассосался он как-то незаметно, сам собой. То одна девчонка, то другая (разумеется, исключительно по делу) вынуждены были со мной заговаривать. В конце концов, две самые непримиримые врагини решили, что гораздо выгоднее перестроиться в моих преданных подруг, поскольку тогда и возле них будут крутиться самые лучшие мальчишки не только нашей параллели, но и старшекласники. Меня одной все равно на всех не хватит, тут и им, глядишь, что-нибудь и перепадет.

А что ж Ленечка? Он молча обожал меня, долго не смея в том признаться. После прихода его постоянной соседки Наташи Ильиной классная руководительница пересадила меня за последнюю парту к второгоднику Толику Бояркову, с которым тут же захотели крепко, по-мужски дружить все мальчишки нашего класса. Я же вила из Толика веревки. Он покупал мне без очереди в буфете булочки с маком и охотно мылил шеи пристающим парням, которые мне особенно сильно досаждали. Что касается наших с ним одноклассников, то великовозрастный и тем солидный Боярков снисходительно принимал дружбу некоторых, но не Ленечки. Слишком уж Зацепин был низкорослым и неказистым. С таким и стоять-то рядом позорно: будто с детсадовцем. Кроме того, как потом выяснилось, Ленечка имел прозвище Цыпа, которое его тоже совершенно не украшало. Я думала, что его так называют из-за маленького роста и общей забитости. Оказалось, что кличка была последним звеном цепочки: Зацепин – Зацепа – Цепа – Цыпа. Девчонки, правда, Цыпой Зацепина не называли. Для них он, как и для меня, был и на всю жизнь остался Ленечкой.

В каком бы укромном уголке школьного здания я ни находилась, везде натывалась на внимательный взгляд светлых Цыпиных глаз и каждый раз раздраженно поводила плечами. И что ему надо, этому смехотворному однокласснику? Неужели он еще на что-то рассчитывает?

Как-то в седьмом классе на уроке географии Ленечка прислал мне записку традиционного (ибо их я получала пачками) содержания: «Я тебя люблю». Я сразу поняла, что это Цыпино признание. Над круглым, девчачьим почерком Зацепина потешался весь класс. Другой бы попытался его хоть как-то изменить: придумать какие-нибудь крутые росчерки или особые буквенные перекадки, но только не Ленечка. Каждый раз, выходя к доске, он выводил на ней аккуратные, ровные строчки, в которых на каждую букву было любо-дорого смотреть. К чести Зацепина надо сказать, что он с самого своего низкорослого и ушастого детства ни под кого не подстраивался, не пытался выглядеть лучше и взрослее, чем есть, и никогда не болел стадной болезнью. Он и свои оттопыренные уши носил без всякого стеснения, не стараясь их прикрыть хотя бы чуть-чуть длиннее отращенными волосами.

Прочитав Цыпину записку на географии и тут же наткнувшись на его взгляд, который он даже не попытался отвести, я покрутила пальцем у виска: думать-то надо, кому и что пишешь! Ленечка взгляда так и не отвел, и я вынуждена была сама стыдливо опустить глаза к климатической карте.

С тех пор любовные записки Цыпы сделались постоянной принадлежностью уроков географии, так как она являлась единственным (как он мне потом объяснил) нелюбимым предметом, и потому его мозг был абсолютно свободен от науки и целиком занят только моей персоной. А моей царственной персоне, в конце концов, так надоели Цыпины взгляды и записки, что

я попыталась натравить на него все того же Толика Бояркова. Толик, неожиданно оказавшийся благородным, сказал, что малышню не бьет. Хотя, возможно, дело было и не в благородстве, а в том, что он тогда уже всю выполнял не мои желания, а Мариночки Бронниковой из параллельного класса, с которой, как поговаривали, даже целовался. Тогда мне пришлось обратиться к своему воздыхателю Володе Кашину, которым я особенно гордилась, поскольку он учился классом старше. У Кашина, кроме меня, никакой Мариночки в голове не было, поэтому он с большой охотой отлупил Ленечку четыре раза подряд, что совершенно не убавило тому любовного пыла. Зацепин упорно продолжал на меня тарашиться и писать свои бесполезные записки.

Нудно перечислять, сколько раз я «пинала» Ленечку, посылала в разные отдаленные места и осыпала изощренными насмешками. Он сносил все и репертуара не менял: посылал все те же долгие взгляды и записки с круглыми ровными буквами, цепляющимися друг за друга прехорошенькими крючочками. Во взрослом своем состоянии Зацепин, думаю, был единственным российским врачом с очень аккуратным и понятным почерком.

В восьмом классе Ленечка вдруг неожиданно для всех и себя самого вырос. На торжественную линейку, посвященную Первому сентября, вместо низенького лопухого Цыпы пришел молодой человек среднего роста и с ушами, которые оттопыривались в стороны ничуть не больше, чем у остальных одноклассников.

Девчонки свое отношение к Ленечке перестраивали медленно, но верно. Заметив это, я решила позволять ему иногда провожать меня из школы домой и даже давала носить сумку с учебниками. Когда же Зацепин не только сравнялся ростом с Кашиним, но даже и побил его на ставшем традиционным поединке, я разрешила ему один раз взять себя за руку.

К выпускному классу Ленечка обзавелся такими длинными ногами и таким стройным телом, что бывшие мои верные подруги опять перекалифицировались в самых отчаянных врагинь. И было отчего. Ленечка Зацепин, бывший Цыпа и изгой, превратился в очень интересного парня. Все наши девчонки повлюблялись в него скопом, как когда-то в меня мальчишки. Ленечке же по-прежнему нужна была только я. А я, в отличие от одноклассниц, перестроить свое отношение к Зацепину не могла еще очень долго. Конечно, внешне нынешний Ленечка очень выгодно отличался от давешнего, но все-таки внутри оставался все тем же самым Цыпой. Возможно, что я так и не смогла бы перестроиться никогда, если бы не Наташа Ильина, вечная Ленечкина соседка по парте. Я вдруг стала замечать, что бывший Цыпа и Ильина постоянно шушукуются на уроках, подозрительно близко склонившись друг к другу головами. Мало того! Они и после школы стали ходить домой вместе, а Ленечкин взгляд стал как будто останавливаться на мне гораздо реже, чем обычно. Я решила во что бы то ни стало положить этому пределу конец, несмотря на то что сама в этот жизненный период всю целовалась с Володей Кашиним, который к тому времени уже стал студентом горного института.

На следующий же день после принятия этого судьбоносного решения я пошла из школы следом за Ленечкой и Наташей. Они так нежно ворковали друг с другом, что даже не замечали преследования. Когда они вошли в Наташкин подъезд, я почувствовала, как мне нервным спазмом перехватило горло. Ленечка и в подъезд с Ильиной?! Зачем?! Целоваться?! Ну нет!!! С какой это стати? Столько лет глядеть на меня преданной собакой и вдруг так легко повестись на жалкий призывный взгляд какой-то там Наташки, которая за все предыдущие годы обучения не удостоилась ни одного его знака внимания? Да разве же можно после такого Ленечкиного предательства верить во что-то настоящее, доброе, вечное? Мне остро захотелось: а) зарыдать и б) порвать Ильину на куски. Я еще не знала точно, что выберу, но решительно открыла дверь подъезда и сразу же в тамбуре наткнулась на Ленечку с Наташкой, которые явно только что поцеловались и, возможно, даже впервые. Уж очень сильные флюиды заполнили весь тамбур.

Я встала перед ними, мучительно размышляя над пунктами «а» и «б». Когда решила, что Наташку можно вполне рвать на куски, она с большим вызовом спросила:

– Что тебе здесь нужно, Маргарита?

- Мне нужен Зацепин, – глухо ответила я.
- Зачем?
- Он знает.

Наташка посмотрела на Ленечку с интересом и без всякого испуга. Еще бы! Он только что целовался с ней, а не со мной. Мало ли, может, Зацепин должен передать мне тетрадь по физике или какой-нибудь учебник?

- Ты знаешь? – на всякий случай спросила она бывшего Цыпу.
- Знаю, – ответил он.
- Тогда пошли, – сказала я.

– Пошли, – согласился он и, оставив обомлевшую Наташку в тамбуре, отправился вслед за мной.

В замызанном подъезде нашего дома мы целовались с ним до одурения, до распухших губ и ломоты в затылках.

- Как ты мог с Наташкой? – спросила я его.

– Поцелуи с другой нисколько не мешали мне ждать тебя, – очень нестандартно ответил Ленечка.

- То есть... ты уверен был, что...

- Я всегда знал, что ты – моя женщина. Как только впервые увидел в шестом классе.

– Что ты несешь, Ленечка?! Как ты мог думать об этом в шестом классе, жалкая низкорослая Цыпа?!

Зацепин не обиделся. Он улыбнулся и ответил:

- Конечно, тогда я думал по-другому. Я думал, что вырасту и непременно женюсь на тебе.

- Врешь!

- Честное слово!

- Ты и сейчас хочешь на мне жениться?

- Я на тебе обязательно женюсь.

- А если я не соглашусь?

– Куда ты денешься? – шепнул мне в ухо Ленечка и поцеловал в шею, в ямочку между ключицами.

Я тут же поняла, что действительно никуда от него не денусь, во всяком случае, в ближайшем обозримом будущем. Я ничего не испытывала от поцелуев бравого студента горного института Кашина, но считала, что так и должно быть. Большого опыта в этих делах у меня к тому времени еще не накопилось. От Ленечкиных губ по моему телу разлилось какое-то странное, не испытанное доселе томление и даже почему-то сильно захотелось заплакать. Я подняла на Зацепина повлажневшие глаза, и он сказал мне то, что я уже сотни раз читывала в его записках, но никогда не воспринимала всерьез:

- Я люблю тебя, Рита. И буду любить всегда. Всю свою жизнь.

Тогда я еще не знала, насколько страшное признание делает мне Ленечка. Тогда оно мне в целом понравилось. А в частности я считала, что как только бывший Цыпа мне надоест или подвернется кто-нибудь получше, так я и отправлю его обратно к Наташке Ильиной. Пусть пользуется.

Кстати сказать, Наташка без боя сдаваться не собиралась. Она черной тенью таскалась за нами с Зацепиным, лила слезы и грозилась плеснуть мне в лицо заблаговременно украденной в кабинете химии концентрированной серной кислотой. Я смеялась и подзуживала ее, а Ленечка без конца перед ней извинялся за поруганные надежды и проводил разъяснительную работу на предмет того, насколько опасна концентрированная серная кислота и как здорово можно влипнуть, если использовать ее не по назначению.

Однажды Наташка коварно поджидала меня в нашем подъезде, где какие-то сволочи вечно выкручивали лампочки. Выступив из темноты, она странным гортанным голосом произнесла:

– Последний раз прошу тебя, Маргарита, оставь Ленечку... по-хорошему...

– Неужели и впрямь плеснешь в меня кислотой, если все окажется по-плохому? – спросила я уже без всякого гонора, потому что обстановка располагала к совершению самого страшного преступления.

Наташка затащила меня в темный и вонючий угол у мусоропровода, куда нормальный человек поостережется заходить без сопровождающего лица. К моим ногам жалась помойная кошка и издавала гадкие надрывно булькающие звуки. Очень хотелось пнуть ее ногой, но я боялась, что она за это ответно вцепится в меня когтями и зубами.

– Я люблю Ленечку, Ритка! – прорыдала Наташка. – А ты, мерзкая собака на сене, просто делаешь мне назло!!

– С чего ты взяла? – как можно решительнее рявкнула я. – Я не назло! Я...

– Ну что ты?!! Скажи, что?!!

– Я его тоже... люблю...

Люблю... Я впервые произнесла это слово, и меня потрянуло, будто от разряда электрического тока. Оно, это слово, никогда ничего серьезного для меня не значило. Оно было расхожим и затертым, как мелкая монета. Слишком часто мне признавались в любви, слишком часто я читала его в мальчишеских записках, и не только Ленечкиных. Его же с восьмого класса все эти годы твердил мне Володя Кашин. Я была уверена, что сама в эти игры играть никогда не буду. Для чего нужно это одно-единственное слово, которое все говорят друг другу без всяких вариаций? Чтобы обозначить естественное половое влечение? Вполне можно обойтись и без всяких обозначений! И вот тебе на! Оказалось, что это «люблю» действует, как наркотик! Моментально вводит в состояние эйфории! Мне захотелось еще раз испытать это сотрясение всего организма в ответ на, казалось бы, случайное сочетание букв.

– Я... люблю его, – повторила я еще уверенней, и мне опять перехватило горло, как тогда, когда я представляла Ленечкины поцелуи с Наташкой.

В грязном углу за мусоропроводом я не только поняла смысл слова «люблю». Я совершенно четко осознала, что Ленечку именно люблю. Люблю. Я сказала Наташке об этом еще раз, и она поняла, что я говорю правду. Она крикнула на весь подъезд: «Не-е-е-ет!!!» – и что-то выхватила из кармана куртки. Потом жутко взревела кошка, а меня что-то пребольно укололо в ногу.

– Ты бы пожалела об этом, Наташа...

Я поняла, что эти слова говорит неизвестно откуда возникший Ленечка, и метнулась к нему. Я хотела, чтобы он спас меня от Наташки, но он уже и так спасал. Он, оказывается, схватил ее руку, когда Ильина собиралась плеснуть в меня из заблаговременно открытой пробирки. В результате пострадала помойная кошка, которой кислота разъела бок, а на мою ногу попала лишь крошечная капелька. Наташку в коматозном состоянии мы вдвоем с Ленечкой с трудом доволокли до ее собственного дома.

– Откуда ты взялся? – спросила я того, кого уже любила изо всех сил.

– Сам не знаю, – задумчиво произнес он, – почему-то мне вдруг немедленно захотелось увидеть тебя.

– Это судьба, Ленечка... – проговорила я и сморщилась, потому что ногу сильно щипало. На колготках чуть ниже колена правой ноги была маленькая аккуратная дырочка.

– Что? Неужели кислота попала? – сразу понял Зацепин. – Надо срочно нейтрализовать... хотя бы содой... Давай к нам!

До Ленечкиного дома действительно было ближе, чем до моего, но никому из взрослых показывать кислотную язву не хотелось.

– Не бойся, – сразу понял меня Ленечка. – Родители в гостях. На день рождения папиной сестры отвалили. До ночи не явятся. А сестрица наверняка в библиотеке.

Я с сомнением пожала плечами, но боль становилась уже нестерпимой, и я согласилась.

– Быстро снимай чулки и подставь ногу под струю воды, а я пока найду соду! –скомандовал Ленечка, когда мы вошли в его квартиру, открыл для меня дверь ванной, а сам помчался на кухню.

Ткань колготок в точке, куда попала кислота, практически приварилась к ноге. Я отодрала ее, громко взвизгнув, и подставила ногу под струю воды. Боль несколько утихла, но стоило мне вытащить ногу из-под воды, она опять начинала острым шилом вонзаться в мою плоть. Я с ужасом думала о том, что стало бы с моим лицом, если бы Ленечка не поспел вовремя. И чем дольше я об этом думала, тем страшнее мне становилось. Когда Ленечка принес раствор соды и пакет с ватой, меня сотрясала такая дрожь, будто я держала ногу не под струей теплой воды, а в ледяной проруби.

– Что такое? – встревоженно крикнул он. – У тебя лицо синее!

Я повернулась к нему и прошептала непослушными губами:

– Ленечка... Ленечка... А если бы она вылила всю кислоту на меня...

– Брось, Рита, – очень бодрым голосом отозвался Зацепин. – Она не вылила бы. Никогда! И запомни: никто и никогда не сможет причинить тебе никакого вреда... потому что... я всегда успею вовремя...

Я потрясенно смотрела в светлые глаза Ленечки, не в силах ничего больше сказать, а он подхватил меня на руки и понес в комнату. С мокрых ног капала на пол вода, но это нас совсем не заботило. Меня уже и зудящая боль в ноге не слишком беспокоила. Я готова была терпеть ее всю оставшуюся жизнь, лишь бы Ленечка продолжал так же крепко прижимать меня к себе. Он осторожно положил меня на широкую (конечно же, родительскую) постель, сказал: «Сейчас приду» – и на пару минут скрылся. Вернулся с полотенцем и все с тем же нейтрализующим раствором. Полотенцем он осторожно вытер мои мокрые ноги и приложил к красной, слегка кровоточащей точке тампон, смоченный содой.

– Ты что-то такое говорила Наталье... – сказал Ленечка и уставился мне в глаза. – Я слышал...

– Что? Что ты слышал? – вздрогнула я.

– Ну... то, как ты ко мне относишься... Это правда?

Меня бросило в жар. Ленечка слышал, как я говорила о любви. Какой ужас... Хотя... Если я испытываю к нему то, что называется любовью, то разве надо этого стыдиться? Вот сейчас я соберусь с силами, произнесу это волшебное слово, и меня опять охватит потрясающее чувство приподнятости над действительностью. Я ответно посмотрела ему в глаза и очень тихо сказала:

– Правда...

– А ты могла бы еще раз повторить это... – попросил Ленечка.

– Правда, – сказала я, хотя знала, что он хочет услышать другое.

Ленечка продолжал испытующе глядеть мне в глаза. Я глубоко вздохнула, задержала дыхание и «нырнула»:

– Я... я... люблю тебя...

– Еще... скажи еще раз... Я ждал этих слов больше пяти лет...

Я всхлипнула, обняла Ленечку за шею и, беспорядочно целуя, куда придется, раз десять произнесла:

– Я люблю тебя, Ленечка... Я люблю тебя, Ленечка... Я люблю...

Понятно, что вслед за моим признанием прорвало и Ленечку. Тогда, первый раз в жизни, я услышала длинное и цветистое объяснение в любви. Возможно, Зацепин, еще будучи ушастым Цыпой, дополнял его сравнениями и украшал метафорами все пять лет ожидания. Я не

стану приводить здесь его чувствительную речь, потому что она была предназначена только для моих ушей, а посторонним людям может показаться излишне выпренней и сентиментальной. Но в этом весь Ленечка. Таким уж он был человеком.

Поскольку на мне не было колготок, а коротенькая юбчонка задралась выше некуда, то все, что могло произойти в этой ситуации, произошло. Нам с Ленечкой повезло. У нас сразу все получилось. Мы окончательно убедились, что созданы друг для друга.

– Я же говорил, что ты непременно станешь моей женой, – ласково шепнул мне Ленечка и запечатлел в ямочку между ключицами свой фирменный поцелуй. Я расхохоталась:

– Какая же я тебе жена, Ленечка? Я должна называться по-другому!

– Как?

– Любовницей.

– Ерунда! Любовники это те, которые сегодня с одними, завтра – с другими. Мы же с тобой связаны навсегда! Разве ты не чувствуешь этого?

Тогда я ничего сакрального в нашей связи не чувствовала. Ну отдались друг другу. Ну подходим друг другу. Ну любим. Все, как у всех, хотя, конечно, в груди теснит и слезу вышибает. И все-таки считала, что зря он разводит глубокую философию на довольно мелком месте. Я тогда еще не знала, что Зацепин зрит в корень, и сказала: «Я чувствую, как ты», – чтобы только его не огорчать.

Нам с Ленечкой тогда было по семнадцать лет, но рядом с одноклассниками мы чувствовали себя чуть ли не супружеской четой. Ленечка был уверен, что мы подадим документы в загс сразу, как только обоим исполнится по восемнадцати. Я тоже думала, что выйду за него замуж, если, конечно, не разлюблю. Зацепин был уверен, что не разлюбит никогда, а я вполне допускала для себя такую возможность. Некоторые сомнения в необходимости нашей с ним женитьбы меня все-таки одолевали, и одно из них было следующего порядка: жизнь только начинается, всякое еще может случиться, а я со школьной скамьи так и сиди подле Ленечки? А вдруг мне доведется встретиться с каким-нибудь английским лордом, который станет умолять меня составить счастье его жизни? Но это я сейчас так гладко формулирую свои сомнения. Тогда все это теснилось глубоко в подкорке, а сознание было занято одной только любовью.

Почерневшая от безответной любви Наташа Ильина приходила ко мне извиняться и каяться. Она говорила, что видела ту кошку, на которую попала кислота из пробирки.

– У нее бок прожжен до мяса и гниет, – содрогаясь, признавалась Наташа. – Я благодарна Ленечке, что он меня остановил, иначе...

– Что иначе? – мстительно спрашивала я, и этот мой вопрос был таким же жгучим, как концентрированная серная кислота.

– Иначе... я не смогла бы жить дальше...

– Неужели покончила бы с собой? – продолжала жечь ее вопросами я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.